
Оригинал находится здесь: [Народная Библиотека Максима Горького](#)

Весною 1898 года я прочитал в московской газете "Курьер" рассказ "Бергамот и Гараська" - пасхальный рассказ обычного типа; направленный к сердцу праздничного читателя, он еще раз напоминал, что человеку доступно - иногда, при некоторых особых условиях, - чувство великодушия и что порою враги становятся друзьями, хотя и не надолго, скажем - на день.

Со времен "Шинели" Гоголя русские литераторы написали, вероятно, несколько сотен или даже тысячи таких нарочито трогательных рассказов; вокруг великолепных цветов подлинной русской литературы они являются одуванчиками, которые якобы должны украсить нищенскую жизнь больной и жесткой русской души*.

Но от этого рассказа на меня повеяло крепким дуновением таланта, который чем-то напомнил мне Помяловского, а кроме того, в тоне рассказа чувствовалась скрытая автором умненькая улыбочка недоверия к факту, - улыбочка эта легко примирялась с неизбежным сентиментализмом "пасхальной" и "рождественской" литературы.

Я написал автору письмо по поводу рассказа и получил от Л.Андреева забавный ответ; оригинальным почерком, полупечатными буквами он писал веселые, смешные слова, и среди них особенно подчеркнуто выделился незатейливый, но скептический афоризм:

"Сытому быть великодушным столь же приятно, как пить кофе после обеда".

С этого началось мое заочное знакомство с Леонидом Николаевичем Андреевым. Летом я прочитал еще несколько маленьких рассказов его и фельетонов Джемса Линча, наблюдая, как быстро и смело развивается своеобразный талант нового писателя.

* Весьма вероятно, что в ту пору я думал не так, как изображаю теперь, но старые мои мысли - неинтересно вспоминать. - *Примеч. М.Горького.*

Осенью, проездом в Крым, в Москве, на Курском вокзале, кто-то познакомил меня с Л.Андреевым. Одетый в старенькое пальто-тулупчик, в мохнатой бараньей шапке набекрень, он напоминал молодого актера украинской труппы. Красивое лицо его показалось мне малоподвижным, но пристальный взгляд темных глаз светился той улыбкой, которая так хорошо сияла в его рассказах и фельетонах. Не помню его слов, но они были необычны, и необычен был строй возбужденной речи. Говорил он торопливо, глуховатым, бухающим голосом, простуженно кашляя, немножко захлебываясь словами и однообразно размахивая рукой - точно дирижировал. Мне показалось, что это здоровый, неумно веселый человек, способный жить, посмеиваясь над невзгодами бытия. Его возбуждение было приятно.

- Будемте друзьями! - говорил он, пожимая мою руку.

Я тоже был радостно возбужден.

Зимой, на пути из Крыма в Нижний, я остановился в Москве, и там наши отношения быстро приняли характер сердечной дружбы.

Я видел, что этот человек плохо знает действительность, мало интересуется ею, - тем более удивлял он меня силой своей интуиции, плодovitостью фантазии, цепкостью воображения. Достаточно было одной фразы, а иногда - только меткого слова, чтобы он, схватив ничтожное, данное ему, тотчас развил его в картину, анекдот, характер, рассказ.

- Что такое С.? - спрашивает он об одном литераторе, довольно популярном в ту пору.